

Скляров С. А. Из истории советско-польских отношений начала 1920-х годов : проблема «транзита в Персию» / С. А. Скляров // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 454—468. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-454-468.

Sklyarov, S. A. (2020). From the History of Soviet-Polish Relations in the Early 1920s: the Problem of “Transit to Persia”. *Nauchnyi dialog*, 9: 454-468. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-454-468. (In Russ.).

УДК 94(47):327“1920/1924”+94(438).081

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-454-468

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ: ПРОБЛЕМА «ТРАНЗИТА В ПЕРСИЮ»

© Скляров Сергей Анатольевич (2020), orcid.org/0000-0001-5691-4088, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), redactors@mail.ru.

Впервые в отечественной историографии рассматривается разгоревшаяся вскоре после заключения Рижского мирного договора в НКИДе и Наркомторге дискуссия о возможности предоставления Польше права транзитной торговли с Персией и другими странами Востока. Отмечается, что глава Наркомторга Л. Б. Красин подверг критике позицию полпреда РСФСР в Варшаве Л. Л. Оболенского, считавшего возможным предоставить Польше право транзита на Восток и режим наибольшего благоприятствования в торговле на условиях взаимности с целью усиления позиции Москвы на польско-советских переговорах. Показано, что в Наркомторге не считали такое сотрудничество равноценным, так как, по мнению Л. Б. Красина, Польша более нуждалась в транзите через советские республики, чем советское государство в транзите через Польшу. В ходе исследования выяснено, что в Наркомторге допускали такую ситуацию только в случае, если Польша дополнительно пойдет еще и на политические уступки, характер которых в то время еще не был ясен. В работе прослеживается, как в итоге дискуссии линия Наркомторга победила и фактически советское руководство придерживалось ее вплоть до середины 1923 года. Актуальность и новизна исследования обусловлены введением в научный оборот рассекреченных в постсоветскую эпоху и впервые введенных в научный оборот архивных материалов, позволяющих открыть новые перипетии польско-советских отношений, к числу которых относятся вопросы организации транзитной торговли.

Ключевые слова: транзит в Персию; Польша; контингенты; польско-советские переговоры; режим наибольшего благоприятствования; Рижский мирный договор.

1. Введение

Внешнеторговые отношения Советского государства с соседними странами в начале 20-х годов XX века до сих пор остаются одной из малоизученных тем отечественной истории. Практически полностью из поля

зрения современных исследователей выпала проблема регулирования Москвой транзитной торговли через территорию СССР между Европой и странами Востока. Между тем, как выясняется в ходе изучения открытых в 90-е годы ранее засекреченных архивных материалов, на протяжении всего межвоенного периода эта проблема была на повестке НКИДа и Наркомторга, что вызывало острые споры как между этими наркоматами, так и внутри них. Наиболее остро стоял вопрос о возможности предоставления транзита для польских товаров в Персию (Иран).

В советской историографии вопрос транзита польских товаров в Персию поднимал П. Н. Ольшанский [Ольшанский, 1972; Ольшанский, 1974]. Однако в силу идеологической специфики 70-х годов, на которые приходится исследование этого автора, в работах П. Н. Ольшанского идеализируется позиция Москвы. В них также не отражены мотивы и колебания в вопросах транзита внутри советского руководства. В многочисленных более поздних работах, посвященных польско-советским отношениям, проблема транзита на Восток вообще не находит отражения [Бабенко, 2007; Бабенко, 2014; Ипатов, 2017; Михутина 1977].

2. Значение транзита в Персию для польской промышленности

Для Варшавы открытие транзитных путей через советские республики в страны Востока, прежде всего в Персию, представляло интерес в связи с тем, что эти рынки были традиционными для предприятий бывшего Царства Польского. Особенно в таком транзите были заинтересованы предприятия текстильной и металлургической промышленности. Благополучие многих из них зависело от допуска на внутрисоветский и персидский рынки, на которых они в предыдущие десятилетия успешно теснили промышленников Центральной России и Урала. Присутствие промышленной продукции из польских губерний на этих рынках было настолько масштабным, что металлурги и текстильщики Урала и московского региона в конце XIX — начале XX веков неоднократно требовали от правительства введения преференций для внутрисоветской и таможенных ограничений для польской промышленности [Шустер, 1939].

По ряду направлений торговли Российской империи с Персией поляки занимали лидирующие позиции. Как писал в 1913 году Л. А. Собоцинский, «главными покупателями персидского хлопка (97 % его экспорта) являются русские (преимущественно лодзинские) фабриканты» [Собоцинский, 1913, с. 211]. В 1909—1911 годы в Лодзь по железной дороге ежегодно поступало чуть менее 1,4 млн пудов иностранного, прежде всего персидского и американского хлопка [Адамович, 1913, с. VI—VII].

Персия выступала также важным рынком сбыта для текстильной промышленности польских губерний Российской империи. Согласно статистическим данным российских таможен, совокупные поставки всех товаров из России в Персию выросли с чуть менее 11 млн рублей в 1890 году [ОВТР за 1890 г., 1891, с. II, В] до 57,7 млн рублей в 1913 году [ОВТР за 1913 г., 1914, ч. 1, с. III]. При этом экспорт хлопчатобумажных тканей возрос с примерно 32 тыс. пудов в 1890 году [ОВТР за 1890 г., 1891, с. II, В] до 541 тыс. пудов в 1913 году [ОВТР за 1913 г., 1914, ч. 1, с. III]. И хотя эти цифры относятся не только к экспорту из польских губерний, а в целом к экспорту из Российской империи, очевидно, что на польских фабрикантов, теснивших на внутри-российском рынке российских текстильщиков и металлургов, приходилась и значительная часть экспортных поставок в Персию. По оценкам министра иностранных дел Персии Али Голи Хана Ансари, сделанным им в ходе визита в Варшаву в марте 1928 года, при общем товарообороте Персии с Россией в 300 млн рублей на товары из польских земель приходилось 100 млн рублей [АВП, ф. 04, оп. 32, п. 222, д. 52762, л. 28]. Приведенные им цифры сильно расходятся с данными российской таможни и не могут служить надежным источником. В то же время они могут быть ориентиром для понимания, какая примерно часть российско-персидского товарооборота приходилась на продукцию польских предприятий.

Потеря российского и персидского рынков, произошедшая в результате Первой мировой войны, Октябрьской революции, Гражданской войны в России и Польско-советской войны 1919—1921 годов, наряду с другими неурядицами того времени больно ударила по промышленникам бывшего Царства Польского. Часть предприятий оказались в кризисе либо вовсе закрылись. Так, например, на 1924—1925 годы пришелся крах хлопчатобумажных производств в Белостоке. Столкнувшись с кризисом сбыта, местные фабриканты вынуждены были перевести часть своих мощностей в Румынию, где только проходило становление национальной текстильной промышленности [Bardach, 1936, S. 37].

В условиях потери российского и персидского рынков Варшава вынуждена была поднимать на польско-советских переговорах вопрос о закупках польской продукции Советским государством и установлении обязательных объемов таких закупок (контингентов), а также об открытии для польских товаров транзита на Восток.

3. Подготовка правовой базы и польско-советская взаимозависимость в транзите

Практически сразу после окончания военных действий на польско-советском фронте вопрос о свободе транзита был поднят на мирных пере-

говорах и в итоге включен в текст Рижского мирного договора от 18 марта 1921 года. Для Польши наибольшее значение имел транзит через советские республики в Персию, Китай, Афганистан и Монголию. Советские республики были заинтересованы в транзите через Польшу товаров в Европу и из Европы. Польша была важна для организации транзитной торговли с Германией, Австрией и Чехословакией. При этом у советского государства были и альтернативные польскому маршруту чуть более затратные пути транзита в эти страны, пролежавшие через Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию. В то же время альтернативные, в обход советских республик, пути торговли со странами Востока для Польши были намного более невыгодными по сравнению с маршрутом через территорию бывшей Российской империи.

В 1921 году советские республики и Польша стремились создать договорно-правовую базу для транзита. В Польше не сбрасывали со счетов существовавшую в то время опасность развития в Германии революционной ситуации. В случае победы революционных сил в Германии Польша могла быть зажата между прокоммунистическими государствами с востока и запада, что сильно бы осложнило ее международное положение. С учетом этих соображений и были составлены регулирующие транзитные отношения положения подписанного 18 марта 1921 года Рижского мирного договора.

Согласно статье XXII и приложению 8 Рижского мирного договора, стороны договорились предоставить друг другу необлагаемый транзитными пошлинами и сборами свободный транзит товаров «по всем железнодорожным и водным путям, открытым для транзита», исключив из него оружие и боеприпасы, для которых требовалось специальное разрешение. Также допускалось изъятие отдельных товаров в случаях «борьбы с эпизоотией и с болезнью растений». Оговаривалось применение для транзита фрахтов, тарифов и других сборов на уровне не выше, чем для местных товаров. При этом для транзита польских товаров через советские республики, где в то время не было таких фрахтов и тарифов для перевозки местных товаров, вплоть до момента их установления указанные тарифы и фрахты должны были быть не выше, чем для транзитных товаров «наиболее благоприятствуемой страны». В договоре также устанавливались пункты пересечения границ для транзитных товаров и право Польши «на свободу нормирования условий транзита для товаров германского и австрийского происхождения, ввозимых из Германии или Австрии через Польшу в Россию или Украину». Для пропуска каждой партии таких товаров требовалось отдельное согласие польского правительства. В дальнейшем планировалось заключить между Польшей и союзными республика-

ми железнодорожную конвенцию, в которой был бы установлен порядок и условия транзита [ДВП, 1959, т. 3, с. 639—640, 653—654].

Теоретически Рижский мирный договор в момент его заключения позволял польским промышленникам при согласии Москвы проводить транзитные операции с Персией, так как Советская Россия еще в 1919 году официально декларировала отказ от протекционистской политики царской России, полностью запретившей в 1883 году другим государствам транзитную торговлю с Персией через свою территорию. В ноте Совнаркома «Персидскому народу и персидскому правительству» от 26 июня 1919 года провозглашалось следующее: «Русско-персидская граница открывается для свободного проезда и провоза товаров. Персии разрешается транзит через Россию товаров любого происхождения и наименования» [СИОДКС, 1946, с. 66].

Это положение было значительно ухудшено для Тегерана в заключенном 26 февраля 1921 года договоре между РСФСР и Персией. Статья 20 договора гласила, что «обе высокие договаривающиеся стороны взаимно представляют друг другу право транзита товаров через Персию или через Россию в третьи страны, причем провозимые товары не должны облагаться сбором, большим, чем с товаров наиболее благоприятствуемой нации, кроме союзных Российской Социалистической Федеративной Советской Республике» [Там же, с. 80—81]. В этом договоре речь уже шла только о свободном транзите в третьи страны. При этом открытым остался вопрос о транзите из третьих стран, что позволило впоследствии советскому государству запретить и обусловить дополнительными согласованиями импорт в Персию через СССР товаров из третьих стран. В любом случае появление даже такой двусмысленной статьи было большим прорывом по сравнению с предыдущим периодом, когда Российская империя с 1883 года запретила любые транзитные поставки через свою территорию в торговле европейских стран с восточными государствами.

Польские промышленники также могли попытаться наладить поставки в Персию отдельных товаров в почтовых посылках. Заключенная между РСФСР и Персией 25 апреля 1923 года почтовая конвенция позволяла двусторонний транзит различной корреспонденции и «образчиков товаров» и предусматривала применение к транзитным отправлениям такс, установленных Всемирной торговой конвенцией [Там же, с. 82—84]. Именно такой путь обхода официального запрета на транзит через Россию иностранных товаров использовали до начала Первой мировой войны европейские, прежде всего немецкие, предприниматели. По данным И. М. Кулишера, германские предприятия отправляли таким путем на экспорт в Персию через Россию не только мелкие галантерейные товары, но и достаточно гро-

моздную продукцию, вплоть до велосипедов и швейных машинок в разобранном виде. Вес посылок согласно Вашингтонской почтовой конвенции 1897 года был ограничен 12 фунтами (4,8 кг).

Несмотря на серьезные ограничения, препятствовавшие перерастанию посылочной торговли в оптовую, совсем недооценивать такой вариант транзитной торговли нельзя. Если в 1907—1908 годах транзит в Персию в почтовых посылках через Россию достигал 7 тыс. пудов и оценивался в 0,5 млн рублей, то к 1913 году он вырос до 91 тыс. пудов и почти 4,8 млн рублей [ОВТР за 1913 г., 1914, ч. 1, с. 454—455]. В 20-е годы XX века произошли новые послабления для приверженцев посылочной торговли. Согласно Мадридской почтовой конвенции 1920 года вес посылки был увеличен до 10 кг [Кулишер, 1929, с. 252—255].

Между советскими республиками и Польшей почтово-телеграфная конвенция была заключена 24 мая 1923 года [СДДСКЗИГ, 1928, вып. IV, с. 142—159], однако ратифицирована она была только 2 марта 1925 года¹, поэтому такой маршрут мелкой торговли между Польшей и Персией формально стал возможен только с марта 1925 года.

Несмотря на постепенное создание правовой базы, в начале 20-х годов было сложно организовать транзитную торговлю через территорию советских республик между Польшей и Персией по военно-политическим причинам. Нельзя не учитывать, что польско-советская война официально окончилась только в 1921 году. Кроме того, основные торговые маршруты поставок польских товаров в Персию проходили через Закавказье и частично Среднюю Азию по маршрутам Джульфа-Тебриз (Тавриз), Батуми-Тебриз, Батуми-Баку-Энзели, Баку-Красноводск-Кушка, то есть по территориям, где советская власть была установлена только в 1920—1921 годах, а sporadическое вооруженное сопротивление ей оказывалось еще длительное время.

Вплоть до образования СССР 30 декабря 1922 года и установления общесоюзной монополии внешней торговли не было также до конца понятно, как организовать безопасный транзит товаров сразу через несколько советских республик. Формально советские республики были независимы и имели собственные органы государственной власти, включая структуры, отвечавшие за внешнюю торговлю. В 1921—1922 годах между советскими республиками не было взаимопонимания в вопросах полномочий каждой из них во внешней торговле.

1 В октябре 1929 года СССР денонсировал почтово-телеграфную конвенцию с Польшей, потребовав заключения нового документа, который бы ограничивал пересылку через СССР в рамках конвенции с Польшей посылки из третьих стран, разрешив пересылку посылки только из Польши.

О проблемах в торговле на персидском направлении в эти годы может свидетельствовать резкое падение доли самой России в персидском импорте и экспорте. По отдельным позициям оно исчислялось десятками раз и частично было компенсировано ростом торговли Персии с Великобританией и Британской Индией. Так, если в 1913—1914 годах с территории Российской империи, включая польские губернии, в Персию было ввезено хлопчатобумажных тканей почти на 103 млн персидских кран, что тогда примерно соответствовало чуть менее 2 млн фунтов стерлингов, то в 1921—1922 годах поставки упали до 1,643 млн кран, то есть примерно до 33 тыс. фунтов стерлингов. Лишь к 1925—1926 годам СССР удалось несколько восстановить утраченные позиции, но все равно поставки хлопчатобумажных тканей даже с учетом двадцатипроцентного укрепления курса крана к фунту стерлингов оказались в 4 раза ниже, чем в царское время — 24,341 млн кран (чуть больше 570 тыс. фунтов стерлингов) [Генин, 1927, с. 156].

4. Подходы НКИДа и НКВТ к возможности разрешения транзитной торговли между Польшей и Персией

Первые свидетельства рассмотрения Москвой возможностей предоставления польским промышленникам права транзита на Восток можно найти летом 1921 года. В это время советская дипломатия искала аргументы, способные удержать Польшу от новой агрессии в отношении советских республик, а также пыталась усилить свои позиции на переговорах по выполнению тяжелых для Москвы экономических условий Рижского мира.

В датированной концом июля 1921 года инструкции наркома внешней торговли РСФСР Л. Б. Красина торгпреду РСФСР в Польше¹ говорится о том, что польская промышленность «вообще едва ли мыслима без русского рынка и без возможности транзитом через Россию сбывать свои произведения на Кавказ, в Украину, в Персию и в Китай <...> Использование же Россией польской промышленности возможно только при условии действительно прочных и дружественных отношений» [АВП, ф. 04, оп. 32, п. 210, д. 101 (52503), л. 27—28, 28об].

В 1921—1922 годах в наркомате внешней торговли (НКВТ) в обмен на предоставление Польше режима наибольшего благоприятствования, ограниченного государственной монополией внешней торговли, и в обмен на транзит польских товаров на Восток рассчитывали получить максимальные уступки со стороны Польши, причем не только в экономической, но и в политической сфере. При этом в Варшаве тогда, видимо, еще не особо верили

1 До 25 октября 1921 года торгпредом РСФСР в Польше был С. Г. Гродзенский, после чего его сменил С. Г. Горчаков.

в прочность Советской власти и ее способность наладить транзитную торговлю со странами Востока. В отчетах о многочисленных в тот период польско-советских переговорах по политическим и экономическим вопросам мы не находим попыток польских представителей обострить вопрос о транзите через СССР польских товаров. Их нет даже там, где уступок можно было потребовать на условиях взаимности. Например, в мае—июле 1922 года Москва добивалась разрешения Варшавы на транзит белорусского леса по Неману в направлении Данцига, Литвы, Кенигсберга и Риги. Как следует из нескольких телеграмм члена коллегии НКВД Я. С. Ганецкого полпреду РСФСР в Варшаве Л. Л. Оболенскому, Варшава соглашалась предоставить транзит для леса по Неману, но только в направлении Данцига. Тем самым была обойдена Литва, с которой Польша находилась во враждебных отношениях. Взамен на транзит леса до Данцига Варшава просила не каких-либо уступок для транзита польских товаров через советское государство, а продления оптации польских граждан и допуска в Советскую Россию польских промышленников [Там же, п. 211 (а), д. 150 (52532), л. 6—10].

К началу 1922 года в дипломатических кругах РСФСР сформировалось два подхода к вопросу разрешения транзита польских товаров на Восток.

Нарком внешней торговли и по совместительству полпред и торгпред РСФСР в Лондоне в 1920—1923 годах Л. Б. Красин настаивал на отказе в предоставлении Польше права транзита на Восток и режима наибольшего благоприятствования на паритетных основаниях, рассчитывая обменять их на более существенные уступки со стороны Варшавы. С ним был не согласен советник полпредства РСФСР в Польше в 1921—1922 годах, назначенный в 1923—1924 годах полпредом СССР в Варшаве, Л. Л. Оболенский. Он считал возможным предоставить Польше право транзита на Восток и режим наибольшего благоприятствования с целью усиления позиций советской стороны в переговорах по вопросам реализации Рижского договора, выплатам репараций и репатриации, а также по разработке и заключению торгового договора.

В письме полпреду РСФСР в Польше Л. М. Карахану и члену коллегии НКВД Я. С. Ганецкому от 4 апреля 1922 года Л. Л. Оболенский сообщал, что ему передали телеграмму Л. Б. Красина: «Красин разносит меня по всем швам за предложение дать Польше благоприятствование». По мнению Л. Л. Оболенского, заседавшая в Варшаве комиссия по торговым переговорам «села на мель» при обсуждении вопроса о режиме наибольшего благоприятствования, и «обсуждать эти «принципиальные» вопросы, то есть «благоприятствование» и транзит, по-видимому, не стоит». Отвечая на критику его позиций со стороны Красина, Л. Л. Оболен-

ский пояснял: «Польшу надо чем-нибудь заинтересовать, заинтересовать надо чем-нибудь реальным, [т. к.] обязательства мирдоговора — соблазн небольшой». При этом он указывал, что в условиях монополизации внешней торговли в советских республиках «тов. Красин преувеличивает <...> экономический эффект уступки» от предоставления режима наибольшего благоприятствования Польше [Там же, д. 131 (52533), л. 41—41об.].

Следует отметить, что в это время польско-советские отношения, несмотря на заключенный в марте 1921 года Рижский мир, переживали не легкие времена. Польские власти под различными предлогами отказывались принимать верительные грамоты у посланного в Варшаву полпредом Л. М. Карахана. Тем самым они препятствовали устремлениям Москвы установить полноценные дипломатические отношения с Варшавой и разорвать дипломатическую блокаду советского государства. С польской территории в УССР и БССР проникали отряды Украинской Народной республики и С. Н. Булак-Балаховича, а Польша стала одним из центров белогвардейского движения, что сильно нервировало Москву и Харьков. Обе стороны затягивали возвращение военнопленных, часть из которых к тому времени, несмотря на наличие их фамилий в списках на возвращение, уже погибли в лагерях либо была расстреляны. РСФСР фактически не исполняла либо выполняла очень медленно вытекающие из Рижского договора обязательства по выплате репараций и возвращению в Польшу имущества и культурных ценностей польских граждан и организаций.

Описывая советско-польские отношения в первые годы после Рижского мира, нельзя не упомянуть регулярно случавшиеся конфликты при демаркации польско-советской границы, а также нарушения дипломатического иммунитета польских и советских дипломатов и членов их семей при досмотре во время прохождения границы. Негативно на отношения влияли также обоюдные задержания и избиения дипломатических работников. Нельзя также сбрасывать со счетов существовавшее глубинное недоверие в отношениях между двумя странами, подпитываемое подозрениями Польши о намерениях Москвы рано или поздно реализовать планы мировой революции и опасениями советского руководства, что Франция и Англия хотят сделать Польшу форпостом для формирования антисоветского блока и последующего нападения на советское государство.

Проходившие на столь негативном фоне с марта 1922 года в Варшаве польско-советские переговоры по заключению торгового договора требовали от их непосредственных участников поиска компромиссов и точек соприкосновения, предложений, которые могли бы заинтересовать противоположную сторону. Не случайно Л. М. Карахан и член советской делегации,

заместитель уполномоченного Наркомвнешторга С. Г. Горчаков еще до начала этих переговоров, проведя встречи с лодзинскими и белостокскими промышленниками, предложили разместить в Польше часть внешнеторговых заказов РСФСР. В частности, Л. М. Карахан в письме заместителю наркома внешней торговли И. И. Радченко от 26 сентября 1921 года как показатель «серьезности наших отношений к Польше вообще» предлагает разместить часть заказов на ткани [АВП, ф. 04, оп. 32, п. 209, д. 82 (52484), л. 73]. В письме от 14 октября 1921 года Л. М. Карахан просит поддержать эту позицию уже наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина [Там же, л. 95].

В свою очередь Л. Л. Оболенский рассматривал в качестве интересных для Польши предложений в торговой сфере право транзита на Восток. В письме от 1 сентября 1922 года члену коллегии НКВД Я. С. Ганецкому он сообщает о получении им копии письма Л. Б. Красина от 30 июня 1921 года, в котором содержится требование ни в коем случае не соглашаться на предоставление Польше права транзита даже на основе взаимности. Л. Б. Красин пишет: «Транзит польских товаров через Россию на Восток, в Персию и т. д. есть настоятельная необходимость для Польши, и мы за это право впоследствии сможем получить более значительные компенсации». Л. Л. Оболенский просит уведомить его о взглядах НКВД по этому вопросу: «Право транзита через нашу территорию (и даже, в силу ст. XXII) через Сев. Кавказ и Батум¹ Польше уже предоставлено Рижским договором; мало того, в том же договоре имеется обязательство положить в основу предстоящего торгового договора разрешение свободного транзита». Л. Л. Оболенский также сообщает: «Мы все время напирали на XXII статью и наше право свободного транзита» при обсуждении вопроса с Польшей о предоставлении советскому государству права проводить сплав леса по Неману [АВП, ф. 04, оп. 32, п. 211 (а), д. 132 (52534), л. 85].

Фактическими союзниками Москвы в вопросах предоставления торгового транзита через Польшу выступали многочисленные европейские государства, заинтересованные в торговле с советскими республиками. В письме Я. С. Ганецкому от 18 июля 1922 года Л. Л. Оболенский перечислял, что к тому моменту Польша заключила торговые договоры с Румынией (1 июля 1921 года), Чехословакией (20 октября 1921 года), Францией (5 февраля 1922 года), Италией (12 мая 1922 года), Австрией (26 июня 1922 года), Швейцарией (30 июня 1922 года). Кроме того, Варшава тогда

1 В марте 1922 года советские республики в Армении, Азербайджане и Грузии образовали союзный РСФСР формально независимый Федеративный Союз Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ), который в декабре был переименован в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую республику (ЗФСР).

вела переговоры с Англией, Германией и Японией, а также достигла принципиальных договоренностей о начале переговоров с Венгрией, Испанией и Португалией. При этом «Германия, Австрия и Чехословакия настаивают на свободном транзите через Польшу для связи с нами, — отмечал Л. Л. Оболенский, — а Франция не прочь использовать Польшу не только в качестве транзитного пути, но и в качестве негласного посредника для сношения с Советской Россией» [Там же, л. 47—59].

В этом же письме Л. Л. Оболенский указывал, что торговые договоры Польши с европейскими государствами разрушают представления о торговой блокаде восстановившей независимость Польши и ее существенной зависимости от торговых переговоров с советским государством для снятия этой блокады, поэтому «переоценивать значение для Польши транзита через нашу территорию пока сейчас нет никаких оснований» [Там же, л. 59]. Судя по всему, это продолжение полемики Л. Л. Оболенского с Л. Б. Красиным о роли, которую могло бы сыграть право предоставления транзита польских товаров в Персию через советские республики в польско-советских отношениях.

Несмотря на то, что ряд европейских стран добивались от Польши свободного транзита в Советскую Россию и союзные ей республики, выступая в этом вопросе фактическими союзниками Москвы, уверенности в том, что Варшава предоставит такой транзит странам, с которыми она заключила торговые договоры, у советских дипломатов не было. В письме Я. С. Ганецкому от 23 июля 1922 года Л. Л. Оболенский отмечал, что немцы получают право транзита через Польшу, но с ограничениями, связанными с исполнением Рижского мирного договора, суть которых в то время ему не была известна. При этом он строил предположения: «Предоставление свободного транзита вряд ли будет распространено на наши товары, отправляемые через Польшу в Германию, последнее будет зависеть, вернее всего, от нашей польской торговой политики» [Там же, л. 73—74].

Опасения Л. Л. Оболенского насчет сохранения Польшей ограничений на транзит между советскими республиками и Германией в итоге оказались оправданными. В следующем году этот вопрос по-прежнему стоял на повестке дня польско-советских переговоров.

5. Заключение

Таким образом, практически сразу после окончания в 1920 году польско-советской войны и заключения в марте 1921 года Рижского мирного договора в советском руководстве разгорелась дискуссия по вопросу о возможности предоставления Польше права транзитной торговли с Персией

через территорию советских республик. Руководство Наркомторга во главе с наркомом Л. Б. Красиным выступило резко против предложения полпреда РСФСР в Варшаве Л. Л. Оболенского разрешить транзит польских товаров в Персию в обмен на аналогичные уступки Варшавы в вопросах организации транзитной торговли через Польшу между советскими республиками и странами Центральной Европы.

По мнению Наркомторга, опиравшегося на статистику дореволюционной России, транзит через советскую территорию был настолько жизненно важен для польской промышленности, что его можно было разрешить не на принципах взаимности, а только в обмен на более существенные политические и экономические уступки со стороны Польши.

В результате дискуссии в 1921 — первой половине 1923 годов в Москве победила линия сторонников отказа от предоставления Польше права транзита на Восток в обмен на предоставление Варшавой свободного транзита для торговли советского государства с Германией, Австрией и Чехословакией. Определенную роль в победе линии Наркомторга сыграли усилия стран Центральной Европы, которые также добивались от Варшавы снятия ограничений на транзитную торговлю через Польшу с советскими республиками. За этими усилиями пристально следили советские дипломаты, регулярно докладывавшие о ходе переговоров Польши с другими странами по поводу транзита через польскую территорию в советские республики и в обратном направлении. Несмотря на то, что отчеты дипломатов не всегда были точны, а прогнозы не всегда сбывались, подобные донесения объективно усиливали в советском руководстве позиции противников предоставления Польше права транзита в Персию на условиях взаимности в вопросах предоставления свободы транзита через польскую территорию для торговли советского государства со странами Центральной Европы.

Источники и принятые сокращения

1. АВП — *Архив внешней политики Российской Федерации.*
2. ДВП — *Документы внешней политики СССР.* Т. 3. — Москва : Гос. изд. полит. лит., 1959. — 702 с.
3. ОВТР за 1890 г. — *Обзор внешней торговли России за 1890 г.* — Санкт-Петербург : Типо-литография М. П. Фроловой, 1891. — 456 с.
4. ОВТР за 1913 г. — *Обзор внешней торговли России за 1913 г.* — Петроград : Типо-литография М. П. Фроловой, 1914—1915. — Ч. 1—2. — 1061 с.
5. СДДСКЗИГ — *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами.* — Москва : Литиздат НКВД, 1928. — Выпуск IV. — 252 с.
6. СИОДКС — *Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях.* — Москва: Министерство иностранных дел СССР, 1946. — 216 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамович И. И.* Статистические труды Лодзинского биржевого комитета / И. И. Адамович. — Łódź : Tłocznia F. M. Kulisza, 1913. — 66 с.
2. *Бабенко О. В.* Историография советско-польских отношений 1919—1945 гг. : некоторые аспекты и специфика / О. В. Бабенко // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. — Москва : ИНИОН РАН, 2014. — С. 5—18.
3. *Бабенко О. В.* Польско-советские отношения в 1924—1928 гг. : от противостояния к сотрудничеству / О. В. Бабенко. — Москва : [б. и.], 2007. — 223 с.
4. *Генин И.* Перспектива торговли с Персией / И. Генин // Экономическое обозрение. Ноябрь 1927. — Москва : [б. и.], 1927. — С. 151—161.
5. *Ипатов А. М.* Польско-советские отношения в 1930-е годы / А. М. Ипатов // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. — 2017. — № 2 (12). — С. 58—63.
6. *Ким И. К.* Становление советско-польских отношений в обобщающих трудах современных польских историков / И. К. Ким // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2013. — № 1 (24). — С. 128—133.
7. *Кулишер И. М.* Основные вопросы международной торговой политики / И. М. Кулишер. — Ленинград : Прибой, 1929. — 612 с.
8. *Михутина И. В.* Советско-польские отношения 1931—1935 / И. В. Михутина. — Москва : Наука, 1977. — 288 с.
9. *Ольшанский П. Н.* Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921—1924 / П. Н. Ольшанский. — Москва : Наука, 1974. — 288 с.
10. *Ольшанский П. Н.* Советско-польские отношения в 1921—1924 гг. / П. Н. Ольшанский // Советское славяноведение. — 1972. — № 1. — С. 21—34.
11. *Собоцинский Л. А.* Персия. Статистико-экономический очерк / Л. А. Собоцинский. — Санкт-Петербург : Электротечания Я. Кровицкого, 1913. — 323 с.
12. *Шустер У. С.* Экономическая борьба Москвы с Лодзью (Из истории русско-польских отношений в 80-х годах прошлого века) / У. С. Шустер // Исторические записки. — 1939. — № 5. — С. 188—234.
13. *Bardach A.* Czynniki industrializacji / A. Bardach // Przegląd techniczny. — 1936. — S. 36—40.

FROM THE HISTORY OF SOVIET-POLISH RELATIONS IN THE EARLY 1920s: THE PROBLEM OF “TRANSIT TO PERSIA”

© **Sergey A. Sklyarov (2020)**, orcid.org/0000-0001-5691-4088, PhD in History, Associate Professor, Federal state autonomous institution of higher education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation” (Moscow, Russia), redaktors@mail.ru.

For the first time in Russian historiography, the discussion that flared up soon after the conclusion of the Riga Peace Treaty in the People's Commissariat for Foreign Affairs and the People's Commissariat of Trade on the possibility of granting Poland the right to transit

trade with Persia and other countries of the East. It is noted that the head of the People's Commissariat of Trade L.B. Krasin criticized the position of the plenipotentiary representative of the RSFSR in Warsaw L.L. Obolensky, who considered it possible to grant Poland the right of transit to the East and the most favored nation treatment in trade on reciprocity terms in order to strengthen Moscow's position in the Polish-Soviet negotiations. It is shown that the People's Commissariat for Trade did not consider such cooperation to be equivalent, since, according to L.B. Krasin, Poland needed more transit through the Soviet republics than the Soviet state needed transit through Poland. In the course of the study, it was found that the People's Commissariat of Trade allowed such a situation only if Poland would additionally make political concessions, the nature of which had not yet been clear at that time. It is traced in the article how, as a result of the discussion, the line of the People's Commissariat for Trade won and in fact the Soviet leadership adhered to it until mid-1923. The relevance and novelty of the research is due to the introduction into scientific circulation of archival materials declassified in the post-Soviet era and for the first time introduced into scientific circulation, which allow discovering new vicissitudes of Polish-Soviet relations, including the organization of transit trade.

Key words: transit to Persia; Poland; contingents; Polish-Soviet negotiations; most preferential treatment; Riga Peace Treaty.

MATERIAL RESOURCES

- AVP — *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. (In Russ.).
- DVP — *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of foreign policy of the USSR], 3. (1959). Moskva: Gos. izd. polit. lit. 702 p. (In Russ.).
- OVTR za 1890 g. — *Obzor vneshney trgovli Rossii za 1890 g.* [Review of foreign trade of Russia for 1890]. (1891). Sankt-Peterburg: Tipo-litografiya M. P. Frolovoy. 456 p. (In Russ.).
- OVTR za 1913 g. — *Obzor vneshney trgovli Rossii za 1913 g.* [Review of foreign trade of Russia for 1913], 1—2. (1914—1915). Petrograd: Tipo-litografiya M. P. Frolovoy. 1061 p. (In Russ.).
- SDDSKZIG — *Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsii, zaklyuchennykh s inostrannymi gosudarstvami* [Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded with foreign countries], IV. (1928). Moskva: Litizdat NKID. 252 p. (In Russ.).
- SIODKS — *Sovetsko-iranskiye otnosheniya v dogovorakh, konventsiyakh i soglasheniyakh* [Soviet-Iranian relations in treaties, conventions and agreements]. (1946). Moskva: Ministerstvo inostrannykh del SSSR. 216 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Adamovich, I. I. (1913). *Statisticheskiye trudy Lodzinskogo birzhevogo komiteta* [Statistical works of the Lodz stock exchange Committee]. Łódź: Tłocznia F. M. Kulisza. 66 p. (In Russ.).
- Babenko, O. V. (2014). Istoriografiya sovetsko-polskikh otnosheniy 1919—1945 gg.: nekotoryye aspekty i spetsifika [Historiography of Soviet-Polish relations 1919—1945 : some aspects and specifics]. In: *Istoriya Rossii. Seriya analiticheskikh obzorov i sbornikov* [History of Russia. A series of analytical reviews and collections]. Moskva: INION RAN. 5—18. (In Russ.).

- Babenko, O. V. (2007). *Polsko-sovetskiye otnosheniya v 1924—1928 gg.: ot protivostoyaniya k sotrudnichestvu* [Polish-Soviet relations in 1924—1928: from opposition to cooperation]. Moskva: [b. i.]. 223 p. (In Russ.).
- Bardach, A. (1936). Czynniki industrializacji. In: *Przegląd techniczny*. 36—40. (In Pol.).
- Genin, I. (1927). Perspektiva torgovli s Persiyei [Prospects of trade with Persia]. In: *Ekonomicheskoye obozreniye. Noyabr' 1927* [Economic review. November 1927]. Moskva: [b. i.]. 151—161. (In Russ.).
- Ipatov, A. M. (2017). Polsko-sovetskiye otnosheniya v 1930-ye gody [Polish-Soviet relations in the 1930s]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnyye nauki* [Scientific Bulletin of the Voronezh state University of architecture and civil engineering. Series: Social and humanitarian Sciences], 2 (12): 58—63. (In Russ.).
- Kim, I. K. (2013). Stanovleniye sovetsko-polskikh otnosheniy v obobshchayushchikh trudakh sovremennykh polskikh istorikov [Formation of Soviet-Polish relations in generalizing works of modern Polish historians]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia], 1 (24): 128—133. (In Russ.).
- Kulisher, I. M. (1929). *Osnovnyye voprosy mezhdunarodnoy torgovoy politiki* [Basic questions of international trade policy]. Leningrad: Priboy. 612 p. (In Russ.).
- Mikhutina, I. V. (1977). *Sovetsko-polskiye otnosheniya 1931—1935* [Soviet-Polish relations 1931—1935]. Moskva: Nauka. 288 p. (In Russ.).
- Olshanskiy, P. N. (1972). Sovetsko-polskiye otnosheniya v 1921—1924 gg. [Soviet-Polish relations in 1921—1924]. *Sovetskoye slavyanovedeniye* [Soviet Slavic studies], 1: 21—34. (In Russ.).
- Olshanskiy, P. N. (1974). *Rizhskiy dogovor i razvitiye sovetsko-polskikh otnosheniy 1921—1924* [Riga Treaty and the development of Soviet-Polish relations 1921—1924]. Moskva: Nauka. 288 p. (In Russ.).
- Shuster, U. S. (1939). Ekonomicheskaya borba Moskvy s Lodzyu (Iz istorii russko-polskikh otnosheniy v 80-kh godakh proshlogo veka) [Economic struggle of Moscow with Lodz (From the history of Russian-Polish relations in the 80-ies of the last century)]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes], 5: 188—234. (In Russ.).
- Sobotsinskiy, L. A. (1913). *Persiya. Statistiko-ekonomicheskii ocherk* [Persia. Statistical-economic profile]. Sankt-Peterburg: Elektropechatnya Ya. Krovitskogo. 323 p. (In Russ.).